

И.С. Хугаев

МЛАДШИЕ СЕСТРЫ ЕЛЕНА ИНСАРОВОЙ: К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССЕ И ПРОГРЕССИЗМЕ

И.С. Хугаев*

Недавно у всех на устах была Варвара Караулова, студентка философского факультета МГУ им. М.И. Ломоносова, которая оставила мирскую жизнь ради подвига под знаменами ИГИЛ.

В прессе и в эфире было много споров о том, что ее, Варвару, к тому подвигло. И не только эту Варвару, но и всех других Варвар. Самые пронизательные полемисты говорили об «отсутствии смыслов» в сознании и жизни современной молодежи, хотя и признавали значение социально-экономических факторов. В самом деле: казус Варвары, отправившейся к черту на рога, по меньшей мере означает, что не в деньгах счастье. Это, в общем, единственное оптимистичное наблюдение, связанное с Варварой.

Таких Варвар, искательниц приключений, в литературе множество. Действительно, есть удивительные соответствия жизненных и литературных феноменов. Книги научают понимать реальность постольку, поскольку литературный герой – эта человеческая ипостась, схваченная в хронотопе ее наиболее экспрессивного самовыражения. Речь идет, конечно, лишь о ладно скроенном и крепко сшитом герое, когда единство судьбы и характера налицо. Сюжет (судьба) и герой (характер) – это формула реальности.

Лично у меня Варвара вызывает тургеневские ассоциации. Я имею в виду Елену Инсарову из романа 1860 года «Накануне».

На самом деле, то есть в девичестве, она была Стахова, а Инсаровой стала позже. Елена Стахова – двадцатилетняя девушка; она томится в родном доме (типичная тургеневская усадьба) бессмысленной жизнью, и все русские ей скучны; но вот она встречает болгарина Инсарова, который красиво и искренне говорит о необходимости борьбы против турок, оккупировавших его родину («Если бы вы знали, какой наш край благодатный! А между тем его топчут, его терзают... у нас все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли; как стадо гоня-

ют нас поганые турки, нас режут... Люблю ли я родину? – Что же другое можно любить на земле? Что одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить после Бога?...» (http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0030.shtml), – и влюбляется в него и уезжает с ним в Болгарию освобождать его «страждущую отчизну». В дороге Инсаров неожиданно умирает; Елена доставляет его прах в Болгарию, а сама занимает его место в строю болгарских патриотов. Не буквально, конечно, а в качестве сестры милосердия. Дальнейшая судьба Елены остается читателю неизвестной; ее силуэт навсегда растворяется в неприятном историческом тумане.

Революционный демократ Н.А. Добролюбов в своей статье «Когда же придет настоящий день» (1860) Елену хвалил: «В ней сказалась та смутная тоска почем-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая охватывает теперь все русское общество, и даже не одно только так называемое образованное. В Елене... ярко отразились лучшие стремления нашей современной жизни» (http://az.lib.ru/d/dobrolyubow_n_a/text_0190.shtml).

А многие критики из консервативного лагеря, как, например, М.И. Даргаган, выказывали ей явное презрение, называя «пустой, пошлой, холодной девочкой, которая нарушает приличия света, закон женской стыдливости» и «Дон Кихотом в юбке» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>).

Сегодня я, пожалуй, соглашусь с консерваторами, хотя и без фанатизма. Вообще, некоторые положительные герои Тургенева вызывают легкое раздражение: они чем-то похожи на отличников, которые публично оспаривают своих добрых и робких от старости учителей. Взять, например, холодного, как скальпель, которым он режет лягушек, Базарова: его даже родная мать боится... Таков же и наш болгарин Инсаров: говорит о любви – и в то же время схематичен, как циркуляр,

* Хугаев Ирлан Сергеевич – д. ф. н., старший научный сотрудник ВНИЦ РАН и PCO-A (shmiksel@rambler.ru).

– и не случайно участь их одна. Мне кажется, что не теплом, а твердостью и холодностью он Елену прельстил – и завербовал. Два теплых, родных русских жениха – Шубин и Берсенев – остались с носом. Как будто русским не нужны невесты! Как будто России не надо сестер милосердия!..

Вы скажете мне: аналогия ваша хромает, а ваши классические ассоциации маргинальны и сомнительны; Елена, как-никак, пошла сражаться на стороне добра. И вообще: там история с женихом темная; не похоже, чтобы там была настоящая любовь; как-то быстро, во всяком случае, Варвара разлюбила своего Айрата: ведь в Лефортово она не по жениху, а по своей собачке сучала? (<http://www.dni.ru/incidents/2015/11/9/320017.html>) – напрасно вы, таким образом, называете всех Варвар Варварами.

Замечания дельные, благодарю вас.

Я тоже хорошо вижу, что Варвара пошла гораздо дальше Елены и, к слову сказать, в противоположную сторону: обетованная земля Елены лежит на западе, а Варвара совершает паломничество на Восток. Вы правы: Варвара ушла в стан варваров.

Вы правы: история с любовью темная. Но если бы у Варвары и вовсе не было, как у многих других, жениха-вербовщика, то и тогда мы могли бы наверняка утверждать, что она отправилась в пустыню не только ради подвига, но и ради земной любви. Любовь у девушек всегда на уме. Не то что в сердце. Варвары среди варваров уповают найти своего Конана-варвара.

И теперь давайте взглянем беспристрастно: не все ли равно, Елена ли, Варвара ли, Запад ли, Восток ли? Вот я сказал выше, вслед за современными экспертами, об «отсутствии смыслов», – а смыслов-то, возможно, и нет; смысл-то, возможно, *один?*..

Помню, как я однажды удивился, впервые увидев в авторитетной (переведенной с иностранного) книге слово «смысл» во множественном числе. Мне это показалось как-то не по-русски. Теперь меня почему-то не удивляет, что смыслов может быть очень много. Но если я захочу спросить, какой в этом смысл, – разве я спрошу: какие в этом *смыслы?*..

Гамлет иронизировал: «Слова, слова, слова», а мы утверждаем совершенно серьезно: «Смыслы, смыслы, смыслы...».

Смысл – один. Мы говорим «смыслы», потому что утратили смысл. Сбиты с толку. Расфокусированы. Вместо одного настоящего смысла мы видим множество отдельных самостоятельных смыслов, и они еще дробятся, мельчают и множатся, как тараканы.

Отсюда и пресловутые «двойные стандарты» (что само по себе оксюморон), и наукообразная гуманитарная демагогия.

Смысл неделим и безальтернативен. Естественно, я говорю о смысле в пределах одной парадигмы данных, исходя из которых я сейчас имею право сказать: нет никакой разницы, добру она (Елена или Варвара) идет служить или злу, потому что *ей просто дома не сидится*.

Если честно искать такое решение вопроса, которое удовлетворяет требованиям здравого смысла, гуманности и совести, то мы будем вынуждены согласиться с Бодлером(?): все неприятности случаются с нами потому, что однажды мы просто не усидели в своей комнате. Не зря реакционный критик вспомнил Дон-Кихота.

Конечно, здесь я рискую попасть в клещи другого архетипа – Премудрого пескаря. Это неприятно. Потому что «безумству храбрых поем мы песню», как Горький, а о премудрости пескарей складываем анекдоты и пасквили, как Салтыков-Щедрин.

Но сегодня мне хочется заступиться за пескаря: безумство храбрых – это романтика, но премудрость пескарей – это классицизм. Если безумство храбрых творит историю, то на премудрости пескаря стоит мир. Не на трех китах, а на одном пескарике: такова нынче моя космогония.

И потом: одно дело – безумство храбрых, а другое – просто безумство. Безбашенность. Мы восхищаемся отважностью экстремалов. Допустим, они храбрецы; но разве они герои? Они, спортсмены, рискуют ради кайфа, ради дозы адреналина; разве мы можем быть уверены, что когда нужно будет рискнуть ради добра и справедливости, они будут столь же отважны?.. Одно дело – подвиг, а другое – рекорд. Одно дело – учебник истории, а другое – Книга рекордов Гиннесса. Замечу, наконец, что экстремал и экстремист – одного корня слова. Этот корень – *крайний*.

Мы все время ищем смысл жизни на стороне. На краю. В поисках смысла мы уходим налево. Здесь любая сторона левая, ибо за смыслом, как за счастьем, никуда не надо ходить. Конечно, я моралист. Но моя мораль вполне научна: Земля – шар; в этом я вижу смысл; где бы ты ни стоял – ты всегда на ее вершине и в центре мироздания. Перемещением в пространстве ничего нельзя изменить, кроме декораций. Это и есть – суета. Наши мудрые и саркастические предки про эту иллюзию – будто можно найти смысл на стороне – даже поговорку сложили: *«Везде хорошо, где нас нет»*. А потом добавили на полном серьезе: *«Где родился – там и пригодился»*.

Безумству храбрых – Колумбу, например – мы обязаны прогрессом. Но неужели мы не прожили бы без западного полушария?.. Западное было бы только радо никогда не узнать нас. Бедные инки!..

Но я отвлекся. Тоже, стало быть, пошел искать смысла на стороне.

Экспертов удивляло, что Варвара – философ: как это, дескать, мог ее попутать бес? Как раз ничего странного. Нет ничего скучнее философии, вернее, того, как ее сегодня преподают. От нынешних философов (и филологов тоже) свихнуться можно. Потому что у них много смыслов.

Тургеневский Шубин дело говорит; к его желчным упрекам и нам следует прислушаться: *«Нет еще у нас никого, нет людей, куда ни посмотри. Все – либо милюзга, грызуны, гамлетики... из пустого в порожнее переливатели да палки барабанные! А то вот еще какие бывают: до позорной тонкости самих себя изучили, щупают беспрестанно пульс каждому своему ощущению и докладывают самим себе: вот что я, мол, чувствую, вот что я думаю. Полезное дельное занятие! Нет, кабы были между нами путные люди, не ушла бы от нас эта девушка, эта чуткая душа не ускользнула бы, как рыба в воду»* (http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0030.shtml).

У кого же учиться?.. У кого спросить совета и смысла? Я не знаю. Но одна гипотетическая современница Елены Стаховой-Инсаровой спросилась у батюшки, у духовника своего, которым был Феофан Затворник. И вот какой ответ получила:

«Что такое с Вами сделалось? И что это за вопросы: «Не знаю, что сделать с своею жизнью. Надо же что-нибудь делать. Надо же цель себе определить?» Читаю и изумляюсь, откуда родились такие мудреные помышления...»

Догадываюсь, что между Вашими знакомыми есть прогрессистки или Вы попали в общество, где были такие и распускали свои мудрования. Они обычно бредят так. У них непрестанно на языке благо человечества, благо народа. И вот Вы, вероятно наслушавшись таких высоких идей, пленились ими и, обратив взор на свою настоящую жизнь, с сожалением увидели, что прозябаете в кругу семьи и родных без пользы и цели. Увы и ах! Как это до сих пор никто Вам не открыл глаз!..»

Спрашиваете: «Надо же что-нибудь делать?» Конечно, надобно. И делайте, что попадет под руки, в Вашем кругу и в Вашей обстановке, – и верьте, что это есть и будет настоящее Ваше дело, больше которого от Вас и не требуется. Большое заблуждение в том, когда думают, будто для неба или – по прогрессистски – для того, чтоб сделать и свой вклад в недра человечества, надо предпринять большие и громкие дела...»

Вы теперь под кровом родителей. Чего лучше желать? Тепло, безопасно, привольно. И живите, не залетая мыслями в даль и делая усердно все, что лежит на Вас...

Прогрессистки имеют в виду все человечество и по меньшей мере весь свой народ огулом (то есть – в целом, вообще. – И.Х.). Но ведь человечество или народ не существует как одно лицо, чтоб можно было что-нибудь для него сделать сейчас. Оно состоит из частных лиц: делая для одного, делаем в общую массу человечества. Если б каждый, не пуча глаз на общность человечества, делал возможное для того, кто у него пред глазами, то все люди в совокупности в каждый момент делали бы то, в чем нуждаются все нуждающиеся, и, удовлетворяя их нуждам, устроили бы благо всего человечества, сложного из достаточных и недостаточных, из немощных и сильных. А то в мыслях держат благо всего человечества, а что пред глазами, то пропускают без внимания...

...в самый разгар прогрессистского бреда... красавицы, бросаясь в переплетные заведения (то есть сомнительные, с которыми можно попасть «в переплет». – И.Х.), нередко матерей своих оставляли без куса хлеба, а все же мечтали, что они каким-то образом идут вперед и благо человечества устроят» (<http://lib.pravmir.ru/library/book/1147>).

Чем эти слова отличаются от мудреных трактатов о прогрессе и счастье человечества? – тем, что в них слышна любовь: так отец наставлял бы любимой дочери, за которую готов жизнь отдать.

Так у кого же учиться, как не у того, кто вас любит? – не мудрствует лукаво, не двойками угрожает и незачетами шантажирует, а жалеет и любит. А ведь Елена именно что оставила мать, а Варвара – и обоих родителей. Не без куса хлеба, конечно. Но какая мать станет есть такой хлеб? Подвиг это – или предательство и отступничество?

Отец Варвары говорит, что они с женой заметили, что дочка сняла православный крестик с груди, но не придали этому значения (<http://www.stav.kp.ru/daily/26395/3272390/>). То есть – смысла.

Оно конечно: бывает, приходит время, когда нужно оставить дом и идти сражаться за правду, – но даже это можно только с благословения тех, кто вас любит, кто разлуку с вами переживает, как смерть, – и все же, скрепя сердце и пряча слезы, благословляет. Так оно и в сказках, и в жизни. Без благословения как замуж нельзя, хотя бы и по любви, так и на войну, хотя бы и справедливую. А с благословением и подвиг будет, и победа, даже если поражение. И жизнь вечная, даже если смерть.

А иначе не прогресс, а прогрессизм, о котором Феофан говорит. «Изм» – один из волшебных суффиксов: любое сущее, существенное существительное он превращает в абстракцию.

Однако, если прогресс существует, что есть прогресс? Думается, что прогресс – это не только совершенствование законов, не только развитие общественных институтов и модернизация бытовых удобств; «прогресс имеет, – писал М. Фуко, – личностное измерение, представляет собой процесс саморазвития личности и заключается в создании из своей жизни своеобразного произведения искусства, в переоткрытии на личном уровне высших ценностей» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>).

Прогресс не делается ногами. Прогресс с ножным приводом – дело невысказанное. Бодлер в свое время сформулировал: «Вера в прогресс – доктрина лентяев» (http://bookz.ru/authors/bodler-6arl/_moe-obna_278/1-moe-obna_278.html). Я бы сказал: «доктрина непоседы», – но вера в прогресс выявляет тождественность непоседы и лентяя. Прогресс посадили на место Бога, на место смысла, на место любви и мамы. Зачем нам прогресс, если мамы плачут?

Одно хорошо, как я уже сказал: казус Варвары означает, что из человека не сделают сугубо потребителя аксессуаров. Но сегодня возникает другая опасность: как бы нам не сделаться по-

требителями смыслов. Потребителями прогрессивных идей.

«*Вся беда, – говорит дальше Феофан, – от слишком широких кругозоров. А лучше, смиренно потупя очи, глядеть под ноги и разбирать, какой где сделать следует шаг. Это самый верный путь*».

«Широкие кругозоры!» Знал бы Феофан, какая может быть Всемирная паутина, когда любого беса можно кликнуть мановением пальца. В его время прогрессистки, кроме романов, ничего не читали.

Так к чему я призываю? Разве я хочу, чтобы девушки все монашками стали? Куда мне! – даже Феофан этого не хотел. Я сам грешник. И ревную, и завидую.

Я – и Шубин, и Берсенева: я виноват, что ты ушла. Я был скучен. Я сам – великий путаник: у меня в голове порхают смыслы, смыслы, смыслы. Я и есть тот самый философ, от которого ты сбежала. Я был мелочен, лукав и нерешителен. Гамлетик, из пустого в порожнее переливатель...

Бедная Варя! Милая Варя! Слава Богу, ты вернулась. Вот это – прогресс.

Но и крестик, пожалуй, верни на место. Не ты его себе надела – не тебе и снимать.

«YOUNGER SISTERS» BY HELENA INSAROVA:
ON THE QUESTION OF PROGRESS AND PROGRESSIVISM

I.S. Khugaev

Dr. Vladikavkaz science center of RAS (shmiksel@rambler.ru)

